

Чэн Суюэ изначально направлялась в Байхэ по приказу императора. Видимо, его величество посчитал, что младший брат, окружённый в военном лагере одними холостяками, вряд ли сможет устроить достойную свадьбу, а потому специально отправил её помочь – хотя бы как посредницу для переговоров между девушками, раз уж сами они не могут поговорить.

Но едва она достигла подножия горы Фуху, как столкнулась с этой бандой идиотов.

Чэн-гуньян первоначально решила, что можно позволить себя похитить, а затем просто поджечь это разбойничье логово – одним махом избавить народ от напасти. Однако, попав в горное убежище, она сразу же заметила большой ларец из красного дерева с золотой отделкой. Нефритовый замок был украшен изысканным лотосом, вышитым золотыми нитями. Как ни крути – это явно были те самые припасы, которые сопровождал чиновник Тан более десяти лет назад.

Продолжив осматриваться, она увидела, что стражник, приставленный к ней, был одет в рваные лохмотья, но висевший у него на поясе меч явно не был дешёвкой. Даже с ободранными и выпавшими самоцветами на ножнах было видно – перед ней работа настоящего мастера. Тогда Чэн Суюэ нарочито тонким голоском поинтересовалась историей этого клинка. Охранник, ошарашенный её красотой (видимо, в его жизни редко встречались такие прекрасные девушки), тут же в состоянии лёгкого транса выложил всю подноготную.

Оказалось, эта банда раньше промышляла в юго-восточных отрогах гор Дацан. Будучи когда-то зажиточным семейным кланом, они годами лишь пили, ели и играли в азартные игры, пока полностью не промотали всё состояние, став хрестоматийным примером того, как можно спустить наследство на ветер.

Когда деньги окончательно закончились, начались междоусобицы. Большая семья, некогда единая, стала смотреть друг на друга с ненавистью. В конце концов, на фоне внутренних раздоров банда раскололась. Цзян Гуй прихватил с собой верных людей и часть награбленного добра, выбрал из всех возможных вариантов именно гору Фуху и двинулся на север, чтобы начать всё с чистого листа.

— Этот меч – последнее, что вам удалось утащить? – уточнила Чэн Суюэ, играя с прядью волос.

Стражник кивнул, сглотнув слюну:

— В конце на складе уже ничего стоящего не осталось, но хоть что-то лучше, чем ничего.

— А откуда вообще эти вещи на складе взялись?

— Тоже украли лет десять назад. Я лично не участвовал, но по слухам, ограбили какого-то важного чиновника из столицы, тьфу ты.

Услышав это, Чэн Суюэ не стала медлить ни секунды и сразу же написала то самое письмо, которое отправила в Байхэ.

— Ограбили важного чиновника... – Лян Шу полулёжа восседал в кресле, покрытом тигровой шкурой, его холодный взгляд был прикован к трясущемуся как осиновый лист главарю. – Какого именно чиновника?

Цзян Гуй, нервно покусывая губу, запинаясь выдавил:

— Да... того самого, что по фамилии Тан. Вроде как вёз какие-то запасы для пострадавших от бедствия.

Едва эти слова сорвались с его губ, как по лицу ударила невидимая пощёчина. В ушах зазвенело, а из носа хлынула тёплая струйка крови – будто мозг взорвался от этого удара, нанесённого сокрушительной внутренней силой.

— В те годы в районе Байцзян царил страшный голод. Люди дрались насмерть за кору деревьев и съедобные корни, – ледяным тоном произнёс Лян Шу, и каждое его слово било как клинок. – Тысячи жизней голодающих, жизни военных подкреплений, вся семья чиновника Тана – вы украли их все одним махом.

— Н-нет! Это не я! – завопил Цзян Гуй, в ужасе замахав руками. – Я тогда был мелкой сошкой! Вещи действительно украли Фэн Сяоцинью и староста деревни! У Фэна, кажется, была какая-то кровная вражда с тем чиновником – он не только деньги забрал, но потом специально поехал в Ванчэн людей резать!

Так, после более чем десяти лет расследований, главная ниточка была найдена в самых неожиданных обстоятельствах.

Гао Линь, скрестив руки на груди, продолжил допрос:

— Кто такой Фэн Сяоцинью? Давай подробности.

— Приёмный сын старосты нашей деревни. Хотя на тот момент ему было всего лет четырнадцать-пятнадцать, он уже считался мастером первого класса и пользовался большим уважением. – Цзян Гуй поёжился, вспоминая. – Парень был молчаливый, нелюдимый, друзей не водил... А вскоре после той кражи и вовсе пропал без вести.

Через несколько месяцев из Ванчэна пришли вести, что Фэн Сяоцинью вырезал всю семью высокопоставленного чиновника. С тех пор его никто не видел – ни живого, ни мёртвого.

— А где сейчас остальные участники того ограбления? – не отставал Гао Линь.

— Староста давно помер от болезни, остальные разбежались кто куда во время внутренних разборок два года назад, – запинаясь, ответил Цзян Гуй. В середине фразы он нечаянно поднял глаза и встретился взглядом с Лян Шу – от чего тут же затрясся ещё сильнее и затараторил в ускоренном темпе: – Но одна точно жива – Хэ Жао. Она много лет служила у старосты и знает все внутренние дела. Теперь сменила личину и вышла замуж за главу «Ванли». Недавно сама приходила к нам, щедро заплатила за устранение двух человек!

— И что, выполнили её заказ?

Цзян Гуй инстинктивно поёжился:

— Н-нет... Тот тип оказался крепким орешком, операция провалилась.

По его словам, Хэ Жао была от природы жестока и алчна. После смерти старосты она собрала свои пожитки и отправилась на север одна, исчезнув так же внезапно, как и Фэн Сяоцзинь. В те времена в юго-восточном регионе было неспокойно, банды орудовали повсеместно, и Цзян Гуй всегда предполагал, что она погибла. Каково же было его удивление, когда недавно она сама нашла его, представ уже в новом амплуа – госпожой охранного бюро.

Лю Сяньань всё это время стоял в стороне, слушая со своим обычным безучастным видом. Этот старый судебный процесс его совершенно не интересовал, и мысли уже давно унеслись куда-то в небеса. Лишь когда в его ушах прозвучало слово "чума", он инстинктивно вернул внимание к происходящему – сказывались профессиональные привычки, выработанные в семье медиков.

Гао Линь нахмурился:

— Чума? Ты говоришь о чуме?

— Да-да, – закивал Цзян Гуй с видом человека, отчаянно пытающегося искупить вину полезной информацией. – Если ваша светлость планирует отправиться в «Ванли» за этой женщиной, по основной дороге придётся проезжать через Чися-чэн. Но там недавно был жуткий голод, множество людей умерло от истощения. Потом, когда ударила жара, появились крысы и началась чума – в городе настоящий ад. Лучше объехать через Цинъюнь-чэн, а оттуда уже плыть по воде. Это самый безопасный маршрут.

Гао Линь и Чэн Суюэ переглянулись. Чися-чэн действительно располагался в среднем течении реки Байцзян и традиционно был уязвим для наводнений. Однако в начале года император уже выделил туда значительные продовольственные запасы – в теории, массового голода быть не должно. Более того, губернатор Чися-чэна буквально недавно отправил в столицу хвастливый доклад, где живописал процветание и мирную жизнь в своих владениях, ни словом не упомянув ни о голоде, ни о чуме. За что был публично осмеян при дворе и получил от императора резолюцию "займись лучше делом, а не пустыми словами".

Но хотя все и посмеивались над ним, в глубине души испытывали симпатию – ведь кто не

любит слушать о процветании и спокойствии?

Лян Шу перевёл взгляд на Гао Линя:

— Как зовут чиновника в Чися-чэне?

— Ши Ханьхай. Ему за сорок, - сразу ответил Гао Линь. - До сегодняшнего дня я всегда считал его заурядным болваном без особых достижений.

Теперь же выяснилось, что он недооценивал этого человека. Ши Ханьхай был не просто бездарным болваном - а болваном с амбициями и стальными яйцами, раз осмелился так нагло врать императору.

Лян Шу в задумчивости перевёл взгляд на Лю Сяньяня...

— В Чанъань-чэне, что рядом с Чися-чэном, есть лечебница, открытая Деревней Белого Лотоса. Там работает не менее двухсот учеников. Если понадобится, ваша светлость может в любое время вызвать их.

Что касалось его личного участия — как обычно, второй молодой господин Лю даже не задумывался об этом. Ведь один человек никак не повлияет на ситуацию с чумой в Чися-чэне. Раз результат будет одинаковым, то и не имело значения, где он окажется.

Однако, учитывая, что миссия этой поездки ещё не выполнена, Лю Сяньянь в итоге последовал за Лян Шу и отправился по дороге в Чися-чэн.

А-Нин сначала недоумевал — зачем они разгромили бандитов, а теперь едут в Чися-чэн? Но когда узнал, что принц собирается расследовать дело о голоде и чуме, сразу же стал серьёзен. Сначала подробно описал ситуацию в письме в Деревню Белого Лотоса, затем составил список городов по пути следования и какие лекарства где можно закупить. Этот список он вручил Чэн Суюэ, трижды повторив, чтобы та закупала всё партиями в разных местах.

— Так сложно. - не понимая спросил охранник - Почему нельзя купить всё в одном месте?

— Во-первых, лекарства сложно хранить.- спокойно объяснила Чэн Суюэ - Во-вторых, если мы выкупим все запасы в одном городе, что тогда делать местным жителям, если они заболеют? — Затем она обернулась к А-Нину: — Не волнуйся, малыш, я всё закуплю по твоему списку.

А-Нин кивнул, достал из рукава несколько флаконов с готовым охлаждающим маслом и протянул ей, после чего побежал обратно к карете. Он был худеньким и юным, но когда речь заходила о лекарствах, говорил чётко и логично, предусмотрев все возможные варианты развития событий при чуме. Деревня Белого Лотоса и вправду была удивительным местом.

Задумавшись об этом, Чэн Суюэ невольно снова взглянула на карету. Занавеска по-прежнему была опущена. За последние дни она редко видела Лю Сяньяня прогуливающимся. Честно говоря, это был первый раз в жизни, когда она встретила мужчину, которого не пугало постоянное сидение взаперти.

Она направила лошадь к Гао Линю и спросила шёпотом:

— Братец, а почему второй молодой господин Лю не ужинает с нами?

— А тебе какое дело? — насторожился Гао Линь. — Он же жених для принцессы, так что не устраивай беспорядков.

— Да я не устраиваю, просто любопытно, — толкнула она его локтем. — Братец, раз второй молодой господин Лю так красив, значит, его сестра должна быть просто феей? И наш принц действительно ею пренебрёг?

При этих словах генерал Гао сразу вспомнил грандиозный план мисс Лю с прыжком в озеро, и у него тут же разболелись зубы, голова и вообще всё тело:

— Хватит, не лезь не в своё дело. Эта поездка — для расследования чумы в Чися-чэне и конторы "Ваньли". Разве тебе этого мало?

Чэн Суюэ покорно сказала "хорошо" и временно отложила любопытство. Она знала, какое место занимал чиновник Тан в сердце принца. В детстве он был для него почти учителем. Всего за месяц до трагедии они вместе ужинали в усадьбе Тан, договорившись поехать на охоту, когда горные груши зацветут. Кто мог подумать, что вскоре улицы окрасятся в красный, а весь род Тан погибнет?

Тогда вся столица была в смятении. Ходили самые невероятные слухи — некоторые даже утверждали, что за убийством стоит сам император, а члены семьи Тан стали блуждающими призраками. Люди в панике развешивали защитные амулеты, и некогда оживлённая столица погрузилась во тьму.

Лян Шу тоже оказался втянут в эту тень. Ему тогда не было и десяти, и он впервые столкнулся со смертью близких. Сначала он волновался, узнав, что чиновника Тана бросят в тюрьму, но настоящая трагедия была ещё впереди. В день похорон из усадьбы вынесли один за другим чёрные гробы, но никто не плакал.

Лян Шу разрешили лишь подняться на городскую стену, чтобы в последний раз проводить в путь чиновника Тана и своих друзей. Когда похоронная процессия покидала город, порыв ветра унёс горсть бумажных денег, которые он держал в руках.

Они кружились в воздухе, словно лепестки цветущей груши.

Деревня Белого Лотоса быстро ответила на письмо А-Нина. Помимо указания следовать распоряжениям принца, они прислали крупную сумму серебром для закупки лекарств.

Кроме того, Лю Фушу не забыл отправить сыну отдельное пространное наставление, напомнив, что хотя в обычные дни можно лениться и дремать, чума и крысы — не шутки. Как уроженец Деревни Белого Лотоса, он должен помочь, даже если не обладает медицинскими навыками.

Получая это письмо, Лю Сяньань как раз сортировал лекарственные травы под палящим солнцем и уже почти "растаял" от жары. Он понимал, что отец вряд ли отличит "не хочу делать, потому что лень" от "не нужно делать, потому что бессмысленно", поэтому даже не стал оправдываться. Просто написал в ответ краткое "Хорошо", чем добился обратного эффекта — когда отец открыл письмо, у него чуть не случился удар от ярости.

Этой ночью они снова спали в лесу.

Недели в пути измотали всех, особенно Лю Сяньаня. Он никогда раньше не путешествовал в таких спартанских условиях. У него болели плечи, шея, поясница и ноги, но эта боль была даже кстати — можно было практиковать технику банок и иглоукалывания.

— Молодой господин! — взвизгнул А-Нин, обожжённый прижиганием.

— Не дёргайся! — улыбаясь, придержал его Лю Сяньань.

У другого костра Лян Шу сидел в плаще. Со стороны казалось, что он просто медитирует, но Гао Линь сразу заметил, как тот крепко прижимает руку к груди.

— Ваша светлость, снова старые раны? — поинтересовался он.

— Ничего серьёзного, — слегка поморщился Лян Шу. — Перетерплю.

— Может, позовём второго молодого господина Лю? Раз он смог вывести яд у Чан Сяоцю, возможно, поможет и здесь.

Лян Шу открыл глаза и посмотрел через костёр.

Лю Сяньань как раз расстёгивал одежду, чтобы А-Нин сделал ему прижигание на руке. Из-за малоподвижного образа жизни его кожа была неестественно белой — такого оттенка не встретишь среди закалённых военных. Его худые плечи казались хрупкими, будто готовыми рассыпаться от одного неловкого движения.

Чэн Суюэ тоже подглядывала, но Гао Линь закрыл ей обзор, раздражённо прошипев:

— Ты же девушка! Как можно так глазеть на полураздетого мужчину!

— Да я и полностью раздетых видела, — пожала плечами Чэн Суюэ.

— Перевязывать раненых — совсем не то же самое!

— Да какая разница? У всех мужчин вроде бы одинаково растёт...

— Боже правый! — Гао Линь в ужасе зажал ей рот. — Хватит обсуждать мужскую анатомию! Оставайся здесь, присматривай за принцем, а я позову второго молодого господина Лю.

Лю Сяньань поправил одежду и, выслушав Гао Линя, слегка смутился — он и вправду не был специалистом в этом. Однако Гао Линь настаивал, ведь когда речь идёт о здоровье, лучше перестраховаться. Тем более, травма принца была застарелой и не угрожала жизни, так что лишний осмотр не повредит.

Лю Сяньань сдался. Лян Шу тоже не сопротивлялся, протянув руку для проверки пульса. Лю Сяньань положил два пальца на запястье и долго слушал, но не почувствовал ни единого удара.

Нахмурившись, он сменил положение.

Пульс по-прежнему не прощупывался.

Лян Шу, подавив сердцебиение внутренней энергией, лениво приподнял бровь:

— Ну как?

Лю Сяньань не мог поверить своим ощущениям. Он взглянул на Лян Шу — тот выглядел совершенно нормально. Как вообще может быть, чтобы у живого человека не было пульса?

Не удостоив ответом, Лю Сяньань убрал пальцы, присел и сделал полшага вперёд. Он обхватил руками предплечья Лян Шу и приложил ухо к его груди.

Гао Линь, и Чэн Суюэ остолбенели. Разве так проводят медицинский осмотр?

Лян Шу слегка скосил взгляд вниз, но не шевельнулся.

В тот же момент он полностью остановил своё сердцебиение.

<http://bllate.org/book/14628/1297850>